

«Большой чертёж»: возвращаясь к проблеме авторства и времени возникновения генеральной карты Московского государства

Вячеслав Пестерев

*Bol'shoy chertezh: returning to the problem of authorship
and dating of the general map of the Tsardom of Muscovy*

*Vyacheslav Pesterev
(Kurgan State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722060115, EDN: MMRFMW

Одной из важных проблем истории русской картографии является «Большой чертёж» — гипотетическая карта XVI — начала XVII в., на момент создания охватывавшая всю территорию Московского государства. Сама эта карта уже к середине XVII в., по-видимому, была утрачена, оставив единственный материальный след — Книгу Большому чертежу (далее — Книга), позиционируемую как «роспись», т.е. вербальное переложение этого картографического произведения¹. Проблема Большого чертежа носит комплексный характер, включая вопросы о целях и обстоятельствах его создания, об авторстве и датировке, о возможной форме и особенностях внешнего вида, о степени соответствия ему Книги, о его возможных источниках и причинах исчезновения.

Проблему авторства и времени появления Книги Большому чертежу можно считать в целом решённой. Документы дают основания считать её составителем подьячего Разрядного приказа 1610–1620-х гг. Афанасия Мезенцова (служил в Разрядном приказе в 1610–1620-х гг.). Косвенным указанием на авторство Мезенцова являются многочисленные пояснения по тексту Книги, демонстрирующие особую осведомлённость о территориях, близких к Курску (уроженцем которого он, судя по всему, был) и Белгороду (где он, возможно, какое-то время жил)². Создание Книги, вероятно, относится к осени 1627 г. Сохранились две челобитные Мезенцова от сентября–октября 1627 г. о создании им «большого чертежа» и о пожаловании кормом на время работы над «росписью всему чертежу... против старого чертежу»³. Это хорошо соотносится с информацией, содержащейся в прологе ряда списков Книги о том, что на замену ветхому чертежу разрядные дьяки «велели, примерясь к тому старому чертежу, в тое ж меру сделать новой чертеж всему Московскому государству по

© 2022 г. В.В. Пестерев

¹ Ещё одним картографическим источником Книги Большому чертежу считается несохранившийся «чертёж полю» (который иногда и ассоциируют с Большим чертежом).

² *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 327; *Историки Курского края. Биографический словарь.* Курск, 2009. С. 185; *Книга Большому чертежу.* М.; Л., 1950. С. 64–65, 69, 77, 102, 104, 109–110, 114–115.

³ РГАДА, ф. 210, оп. 14, стб. 80, л. 5, 7; *Ураносов А.А.* К истории составления «Книги Большому чертежу» // *Вопросы истории естествознания и техники.* 1957. № 4. С. 190; *Кусов В.С.* Московское государство XVI — начала XVIII века. М., 2007. С. 7–8.

все окресные государства». Старый чертёж, как отмечается в заключительной части Книги, «уцелел от пожари»⁴. Предположение К.Н. Сербинной, не знавшей об этих челобитных и опиравшейся лишь на датировку в заглавии, о возникновении Книги в 1627 г. можно считать подтверждённым⁵.

Однако вопрос о времени появления «старого чертежа» (ветхой версии Большого чертежа) остаётся открытым. Под влиянием В.Н. Татищева распространилось представление о создании сводной карты всего Московского государства в 1552 г. вследствие указа Ивана IV «землю измерить и чертёж государства сделать»⁶. По предположению Сербинной, именно Татищеву принадлежат дополнения в одном из списков Книги первой половины XVIII в. о создании «Большого чертежа всему Русскому государству... в давних годах» и последующей переписке его и пополнении «при царе Иоанне Васильевиче»⁷. Сходную позицию занял Б.А. Рыбаков, возводивший картографические истоки Большого чертежа (эту карту он датировал 1590-ми гг.) к гипотетическому «старому московскому чертежу 1497 года»⁸. Анализ историко-географических данных, содержащихся в Книге, давал исследователям возможность датировать отдельные части несохранившегося чертежа в широком хронологическом диапазоне – с конца XV до начала 1610-х гг.⁹ Если учесть, что информационную основу «старого чертежа», вероятнее всего, составляли дорожники, восходившие к разному времени, то в хронологической «лоскутности» содержания Книги нет ничего странного. Стоит отметить, что использование как датирующего признака времени возникновения (существования) упомянутых в ней тех или иных населённых пунктов, не является методологически безупречным. Например, упоминание в Книге Лозьвинского городка, основанного в 1596 г. и уничтоженного в 1598 г., часто приводимое в качестве хронологической привязки «старого чертежа», всего лишь указывает на возможную датировку дорожника, использовавшегося при создании или актуализации чертежа. Многие из попавших в текст Книги топонимов впервые фиксируются источниками именно в ней. Поэтому верхняя хронологическая граница создания «старого чертежа» (даже если учитывать возможность периодически актуализируемой карты) ограничивается только временем написания самой Книги. Соответственно, существенный временной зазор между «старым чертежом» и его описанием практически исчезает. Любая информация о ведении чертёжных работ в отношении всего Московского государства в первые два десятилетия XVII в. потенциально может быть указанием на создание этой утраченной карты.

Декабрём 1619 г. датирован документ о выплате жалованья «чертешикам, что чертили в Розряде чертежи Московского государства... Офонасью Мезенцову да Федору Наквасину». Это упоминание может являться искомым свидетельством о создании «старого чертежа», однако доводы в пользу этой версии

⁴ Книга Большому чертежу. С. 49, 174.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. Кн. 1. Ч. 2. М., 1769. С. 506. Следует отметить, что сам Татищев об этом говорит со ссылкой на слова митрополита Макария и даже замечает, что упомянутый чертёж может являться самой Книгой Большому чертежу.

⁷ Книга Большому чертежу. С. 24–25.

⁸ *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 41, 55.

⁹ *Резун Д.Я.* Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века // Вопросы истории. 1979. № 10. С. 172; *Огородников Е.К.* Мурманский и Терский берега по «Книге Большого чертежа». СПб., 1869. С. 664.

весьма скромны. Тем не менее это самый ранний известный факт о ведении в России коллективной картографической работы. Стоит отметить и солидный для такой деятельности размер вознаграждения — по 5 руб. человеку — намного больше близких по хронологии случаев оплаты картографического труда. Посланный в тот же год в Севский острожек «для городского чертежу» знаменщик Пётр Тепловский получил «в приказ» 1 руб.¹⁰ Упоминание в расписке именно «чертежей» может соответствовать «старому чертежу» и каким-то планам дорог и поля, аналогичных «чертежу поля» 1626/27 г., скорее всего не переживших пожар 1626 г. В пользу этого предположения работает и отчётливо прослеживаемая связь Книги, а через неё и «старого чертежа», с Разрядным приказом.

Однако возможных возражений против этой версии гораздо больше. Наиболее серьёзное из них — явное противопоставление в Книге «старого чертежа» («ветхого»), сделанного «давно, при прежних государях», и «нового», выполненного по распоряжению дьяков Разрядного приказа. Однако, как уже отмечалось, часть имевшейся в чертеже информации по всем признакам была не старше четверти столетия. К тому же обозначение этого чертежа как «старого» можно считать лишь идентифицирующим средством для отличия от «нового» 1627 г. и это совсем не обязательно указывает на его возраст. Суждение из вводной части Книги о том, что «зделан был тот чертеж давно, при прежних государях», датирующим потенциалом не обладает, оно лишь показывает отсутствие информации о времени его создания (как в подобных случаях позже писали в Разрядном приказе, «а которого году, того на нем не подписано»)¹¹. Нарочитое подчёркивание плачевного состояния «старого чертежа» («и тот старои чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотреть не мочно, избился весь и розвалился») находит ничтожно мало подтверждений в самом тексте Книги. При скрупулёзности, с которой Мезенцов подошёл к исполнению своей задачи (порча надписей или их отсутствие на «старом чертеже» всегда сопровождалось комментариями автора), на весь текст нашлось единственное указание на невозможность восстановления фрагмента чертежа из-за его дефектности: «А Дуны реки, и городов Болгарских, и около Черного моря берегом описать было не мочно; в старом чертеже испорчено и ветхо». Даже если принимать во внимание фразу пролога, что «против старово чертежу, что в чертеже цело, новои чертеж зделан»¹², и интерпретировать её в том смысле, что все испорченные или неполные фрагменты исключили из новой версии (и, следовательно, из Книги), общий уровень сохранности «старого чертежа» всё равно оказывается удовлетворительным. Бросающиеся в глаза «бреши» в нём отсутствуют. Неравноценность в детальности описания тех или иных его частей можно объяснить разной степенью генерализации описания местности в использованных для создания этой карты дорожниках, а также «разномасштабностью» данных «старого чертежа» и «старой розрядной росписи», положенных в основу Книги.

С другой стороны, если исходить из моего предположения о создании «старого чертежа» в 1619 г., степень его ветхости должна найти объяснение. Может ли им служить факт восьмилетнего хранения и, вероятнее всего, активного использования документа в административной практике? Интересную статистику

¹⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 14, стб. 2, л. 179, 473–474.

¹¹ *Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Описание чертежей, хранившихся в Разряде во второй половине XVII века // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 15.

¹² Книга Большому чертежу. С. 49, 50, 95, 96, 113, 156, 159, 161, 169.

в этом отношении дают описи чертежей, хранившихся в Разрядном приказе в 1668 г. Для датированных и получивших характеристику физического состояния документов прямой зависимости степени сохранности от срока их хранения не прослеживается. Отдельные физические дефекты («подран во многих местах», «изодран и мыши поели», «с одного края отодрано») фиксируются уже у чертежей, хранившихся в приказе всего 16 лет. Общее посредственное состояние («ветох», «весь ветох», «ветох гораздо и изодран», «ветох и во многих местах подран») отмечено для чертежей, хранившихся 24 года и более. Следует иметь в виду невысокую репрезентативность выборки — всего 13 чертежей из 231 (многие другие либо только датированы, либо охарактеризованы физически). Можно предположить, что основным фактором быстрого износа чертежей являлся не возраст, а активность практического использования.

Первыми в описи Разряда указаны два чертежа, которые с осторожностью можно отождествить с «чертежом полю» и «новым чертежом», созданными Мезенцовым в 1627 г. Первый из них датирован: «Зделан в Розряде во 135-м году» и имел подпись: «Чертеж полским городом и полю». Второй обозначен составителем описи как «чертеж Московского государства городов и степи до Азовского моря», не датирован и не подписан. При допущении, что это и есть «новый чертёж», полностью повторяющий «старый», по всей видимости, не имевший заглавия, то так и должно быть. Несмотря на их предположительно одинаковый возраст и схожие условия для физической сохранности (оба чертежа «наклеены на полотне»), составитель описи только для второго указал, что он «ветох». Теоретически это мог быть и сам «старый чертёж», но вероятность этого ничтожна. Таким образом, для активно используемого документа, к каковым по всем соображениям принадлежал «старый чертёж», можно считать вполне вероятным довольно быстрый износ, тем более что некоторые моменты его «биографии» («уцелел от пожари») ¹³ могли оставить свой след на его физическом состоянии.

Ещё одним возражением против версии о создании «старого чертежа» в 1619 г. является отсутствие указаний в тексте Книги как на факт принадлежности обоих чертежей — «старого» и «нового» — одному автору, А. Мезенцову, так и на относительно небольшой хронологический разрыв между ними. Напротив, там прямо говорится, что «сыскан в Розряде старои чертеж всему Московскому государству», который «зделан... давно, при прежних государех» ¹⁴. Основательность этого возражения зависит от точки зрения о составе Книги.

Первой проблемой является невозможность однозначного соотнесения находящегося в заглавии Книги самого Большого чертежа с какой-либо из двух карт, упоминаемых в прологе и заключении «первоначальной, или основной редакции» (по Сербиной). Интересно, что при всём внимании к Книге в историографии, данный вопрос не был даже поставлен. Наиболее ранняя и представительная часть историографической традиции прямо или контекстуально отождествляла Большой чертёж со «старым чертежом всему Московскому государству» ¹⁵. Другие исследователи столь же уверенно ассоциировали его с «чер-

¹³ В «Переписи делам, вынесенным из Разряда в пожар 1626 года», картографический материал не указан, хотя упоминаются «две росписи дорогам и полю», которые «деланы против чертежей» (Лихачёв Н. П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. Приложение IV. С. 44).

¹⁴ Книга Большому чертежу. С. 49.

¹⁵ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 506; Языков Д. И. Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. СПб., 1838. С. VII–VIII,

тежом полю»¹⁶. В единичных случаях историки пытались уйти от данной дилеммы, считая Большой чертёж либо объединённым атласом путевых чертежей¹⁷, либо обозначением пределов Московского государства вне прямой связи с картографической репрезентацией¹⁸.

Если не брать во внимание историографическую разногласию в идентификации Большого чертежа, а опираться исключительно на данные источников, картина получается противоречивой. В тексте «первоначальной, или основной редакции» Книги (по Сербиной) словосочетание «большой чертёж» упоминается дважды. Первый раз в общем заглавии («Книга Большому чертежу, что зделан в Розряде новой чертеж всему Московскому государству городом, и полю, и рекам, и всяким полевым именным урочищам 135-го году»), второй — в заключительной части при определении меры вёрстам («А зделан чертеж, примеряясь к верстам, в какову меру версты положены в старом чертеже; положена мера верстам, в которую меру делан чертеж большой»)¹⁹. В обоих случаях здесь, скорее всего, подразумевается именно «чертёж полю». В заглавии акцент сделан именно на «поле» и «полевых урочищах». К тому же датирование Большого чертежа 7135 (1626/27) г. хорошо согласуется с датировкой хранившегося в Разряде чертежа «полским городом и полю», сделанным «в Розряде во 135-м году» и обозначенным составителем описи 1668 г. как «чертеж болшой»²⁰. В заключительной же части Книги явно описываются два чертежа, один из которых («новый чертеж» всему Московскому государству) заимствует меру вёрстам из «старого», а для второго — «большого чертежа» (он же по контексту определяется как «чертеж полю») — определяется новая мера вёрстам, поскольку он создавался не на базе уже имевшейся карты, а на основе «старой розрядной росписи». Таким образом, отождествление Большого чертежа и «чертежа полю» выглядит, на первый взгляд, вполне обоснованным.

Однако есть несколько деталей, плохо вписывающихся в эту картину и дающих основания для иной идентификации. Впервые понятие «Большой чертёж» появилось в челобитной автора новой версии «старого чертежа» и самой Книги А. Мезенцова: «По твоему, государь, указу в нынешнем во 136-м году сентября в 12 день в Разряде я, холоп твой, болшой чертеж зделал и мне, холопу твоему, в Разряде твои государевы дьяки велели чертежем, что я, холоп твой, зделал против старого чертежу морю, и рекам, и городам, зделати роспись и по росписи чертежи справить»²¹. При всей туманности данного пассажа, с его помощью

XIII; Книга, глаголемая Большой чертёж, изданная по поручению Императорского Общества истории и древностей российских действительным членом общества Г.И. Спасским. М., 1846. С. VIII–IX; *Петрунь Ф.Е.* К вопросу об источниках «Большого чертежа» // Журнал научно-исследовательских кафедр в Одессе. 1924. Т. 1 (1923/4). № 7. С. 37–43; *Шибанов Ф.А.* «Большой чертёж», или Первая оригинальная русская карта Московского государства // Вестник ЛГУ. 1947. № 5. С. 99–102; *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., 1956. С. 207; *Барандеев А.В.* «Книга Большому чертежу» (к 370-летию памятника) // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 159–160.

¹⁶ Книга Большому чертежу; *Иванов Б.П.* Русский картограф XVII века // Труды географического факультета Харьковского государственного университета имени А.М. Горького. 1958. № 4; *Кусов В.С.* Памятники отечественной картографии. М., 2003. С. 8.

¹⁷ *Полевой Б.П.* Сибирская картография XVII в. и проблема Большого чертежа // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976. С. 217–220.

¹⁸ *Пестерев В.В.* К вопросу о степени развития русской картографии в XVI–XVII веках // Вестник Курганского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. № 3(7). С. 73–74.

¹⁹ Книга Большому чертежу. С. 49, 174.

²⁰ *Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Указ. соч. С. 15.

²¹ РГАДА, ф. 210, оп. 14, стб. 80, л. 5.

можно выявить отчётливую связь Большого чертежа со «старым» всему Московскому государству. И, самое главное, становится понятна точная дата его создания — 12 сентября 1627 г., что никак не совпадает с датировкой «чертежа полю» 1626/27 г. Общее содержание Книги также намекает, что её заглавие имеет отношение именно к территории всего Московского государства, а не к отдельной его части. Особенный интерес в этой связи представляет список № 1330, текст которого, помимо прочих особенностей, имеет отличие от других сохранившихся списков Книги — двойное заглавие, одно из которых предваряет вступительную часть, а другое предшествует основному содержанию («Книга Большому чертежу, что зделан чертеж Московскому государству по все окрестные государства 136-го году»)²². Здесь Большой чертёж явно ассоциируется с «новым чертежом» всему Московскому государству и даётся правильная его датировка. Ещё одним доводом в пользу такой идентификации является то, что все отсылки на внешние источники информации в основном содержании Книги делаются исключительно на «старый чертеж» и «старую роспись», следовательно, сам по себе «чертеж полю» вообще не использовался составителем и едва ли мог претендовать на то, чтобы эта книга была названа в его честь.

Наличие взаимоисключающих противоречий в трактовке Большого чертежа в основном содержании Книги позволяет поставить вопрос о пересмотре представлений о её составе и хронологии появления составляющих её частей.

Текст Книги композиционно разделяется на три раздела — введение, основную часть и заключение. Если основная часть этого произведения довольно стабильна (не считая имеющихся в ряде списков незначительных изменений, изъятий и дополнений, а также стоящего несколько особняком списка № 1330), то вводная и заключительная — в большинстве сохранившихся списков отсутствуют или значительно отличаются друг от друга. Особенно показательно отсутствие введения и наличие усечённого заключения в списках так называемой сокращённой редакции, напрямую связанных с Разрядным приказом и, по-видимому, использовавшихся для «государевой службы посылок». Только магией представления о полноте источника можно объяснить, почему Сербина, вопреки ей же замеченной несогласованности предисловия с текстом (например, в описании границ Московского государства в Сибири), при создании классификации списков Книги именно наличие введения и полного заключения сделала главным критерием близости к протографу²³.

Из проанализированных Сербиной 38 известных списков Книги, 26 самых ранних относятся ко второй половине XVII в. Из последних основная масса приходится на 1670—1680-е гг. Самые старшие датируются первой половиной — серединой 1660-х гг. Столь взрывной характер распространения в списках Книги, созданной ещё в 1627 г., требует объяснения. Предположу, что главной причиной этого послужило композиционное усложнение Книги. Имевший до этого сугубо прикладной и служебный характер, текст её основного содержания, обзаведшись признаками настоящего произведения — вводной и заключительной частями — был выведен в круг читаемой литературы, получив известность и распространение. В качестве контрпримера назову «Поверстную книгу», источник и по времени появления (1630-е гг.), и по назначению (служебная книга Ямского приказа), и по содержанию (перечень расстояний в вёрстах от Москвы до других

²² Книга Большому чертежу. С. 55.

²³ Там же. С. 4, 7—8.

городов Московского государства, а также соседних городов друг от друга) весьма близкий к Книге²⁴. Отсутствие полноценного введения так и не сделало её столь же известной и распространённой, как Книга Большому чертежу. Если она и вызывала интерес, выходящий за рамки узкой служебной функции, то лишь на волне интереса к последней и часто просто в качестве приложения к ней.

Отчётливое представление о месте и времени композиционного усложнения Книги, равно как и о его мотивах, отсутствует. Гипотетически эту метаморфозу можно отнести к середине XVII в. Одним из возможных ориентиров для хронологической привязки вводной части Книги является наличие в первой же её фразе анахроничной формы титула — государь «всеа Росии»²⁵. В таком виде он начинает встречаться не ранее начала 1650-х гг.²⁶ Ни в одном из известных мне случаев титулования царя Михаила Фёдоровича такой формы нет, используется исключительно оборот «всеа Руси(и)»²⁷. Более конкретная хронологическая привязка переработки состава Книги невозможна без понимания её мотивов и определения вероятного исполнителя (заказчика).

Источник переработки изначального текста Книги (в рамках моей позиции — это основное её содержание, без вводной и заключительной частей) нужно искать в Разрядном приказе. Общий посыл пролога с упоминанием о нахождении «старого чертежа» именно в Разряде, а также особое подчёркивание роли приказных дьяков, по «велению» которых была проделана столь внушительная работа, должны свидетельствовать об «официальном» характере данного вторжения в композицию Книги. Если рассматривать самую многочисленную и максимально приближённую по характеру к официальным (служебным) группе списков Книги («сокращённой» редакции по Сербиной) в качестве наиболее близкой к её протографу, то любые связанные с Разрядным приказом её редакции с более сложным композиционным построением потенциально могут рассматриваться как начальный этап перерастания служебного текста в служебно-литературный. Из всех выявленных Сербиной редакций наиболее подходящей на эту роль следует считать так называемую Литвиновскую. Со списками «сокращённой» редакции её роднит отсутствие заключения с масштабами чертежей, а отличает наличие заглавия («Книга Московского государства окрестным всем градом описание») и небольшого пролога с общей характеристикой содержания и хронологической привязкой к 7172 (1663/64) г.²⁹ По предположению Сербиной, автором её был Богдан Литвинов, подьячий Разрядного приказа в 1626–1664 гг.³⁰

«Литвиновскую» редакцию можно считать лишь первой (или одной из первых) известной нам попыткой композиционной переработки текста Кни-

²⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Повёрстная и Указная книги Ямского приказа. СПб., 1890.

²⁵ Книга Большому чертежу. С. 49.

²⁶ Клосс Б. М. О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 111–123.

²⁷ Слово «Росии» не отмечено Сербиной в числе варьирующихся в разных списках Книги, и, по-видимому, является стандартной формой для всех списков, имеющих данный вид пролога (и едва ли данный факт можно объяснить модернизацией титулатуры при создании списков-копий). Впрочем, в фотовоспроизведении первого листа списка № 1330, несмотря на все признаки его позднего происхождения, отчётливо читается «всеа Руси» (Книга Большому чертежу. С. 53; Старостин И. И. О рукописи «Книга Большого чертежа» № 1330 // Вопросы географии. Сб. 17. История географических знаний. М., 1950. С. 227–230).

²⁸ Книга, глаголемая... С. 5.

²⁹ Там же. С. 6.

³⁰ Книга Большому чертежу. С. 11.

ги Большому чертежу и, в лучшем случае, лишь образцом для последующих опытов. Интересующий нас более распространённый вид пролога (из «основной» редакции по Сербиной), затрагивающий историю появления самой Книги, появляется, вероятно, примерно в то же время и в стенах того же Разрядного приказа. Его наиболее вероятным автором (или, по крайней мере, заказчиком) может рассматриваться Дементий Минич Башмаков, думный дьяк Разрядного приказа (1664–1669, 1676 гг.)³¹. Согласно А.А. Гоздаво-Голомбиевскому, именно Башмаков стал инициатором масштабной работы по наведению порядка в архиве Разрядного приказа, когда «дела “собирались в розни”, “мелочь и чернота всякая” связывались в связки, разбитые дела переклеивались в столпы», что, видимо, стало образцом для проведения подобных мероприятий и в архивах других приказов³². В ходе этой работы были созданы описи хранящихся в Разряде документов, в том числе и чертежей. Именно эта деятельность могла подтолкнуть Башмакова к дополнению служебного текста Книги литературно-археографическим обрамлением в форме пролога и заключительной части.

Опись чертежам Разряда 1668 г. начинается с двух описаний: «Чертеж полским городом и полю; зделан в Розряде во 135-м году» и «Чертеж Московского государства городов и степи до Азовского моря». В историографии они ассоциируются с «чертежом полю» и новой версией «старого чертежа»³³. Представляется, что в таком же качестве их воспринимал и сам Башмаков. Причём «чертеж полю» на него оказал более сильное впечатление, нежели второй: его описали первым и более подробно, а с точки зрения размера он охарактеризован как «большой». Можно предположить, что эта, оказавшаяся ошибочной установка и повлияла на явный акцент в заглавии и прологе Книги на «чертеже полю», выступившему там, по сути, на правах самого Большого чертежа.

Атрибуция пролога Книги Башмакову даёт возможность прояснить ещё одну загадочную деталь. В его тексте находится подробное описание пределов «старого» (и основанного на нём «нового») чертежа, которое вполне можно было бы счесть рубрикацией к основному содержанию Книги, если бы оно хоть как-то с ним коррелировало. В отличие от хаотичной последовательности разделов Книги, описание «старого чертежа» в прологе следует вполне отчётливому порядку: начинается с крайней северо-западной точки («от Студеного моря з западные стороны, от усть реки Тенуя») на восток («по Енисею реку»); далее происходит возврат в изначальную точку («от верху реки Тенуя») с описанием движения на юг («до Черного моря»); затем возвращение к северо-восточным пределам («от реки Таза и от реки Оби вверх») с последующим движением в южном направлении («Бухарские и Юргенские города»); далее описываются (уже не столь последовательно) южные территории от «реки Яика» до «Иверской Грузинской земли и до Кизылбаш»³⁴. Складывается впечатление, что описание это основано не на тексте самой Книги (здесь наблюдается масса нестыковок), а на считывании информации с реальной карты. Это вполне мог быть тот самый «чертеж Московского государства городов и степи до Азовского моря», принятый Башмаковым за «чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства». Физическое состояние этого чертежа (согласно описи 1668 г., он был уже «ветох») могло в какой-то степени повлиять на подчёркивание неудов-

³¹ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 45.

³² Гоздаво-Голомбиевский А.А. Указ. соч. С. 8–9.

³³ Там же. С. 12.

³⁴ Книга Большому чертежу. С. 50.

летворительного состояния «старого чертежа», что не вполне соответствовало действительному его виду на момент создания новой версии в 1627 г. Впрочем, описывая «старый чертёж», вероятно ещё какое-то время хранившийся в Разряде, Башмаков мог опираться на рассказы старых сотрудников приказа.

Эти два чертежа описи 1668 г., скорее всего, стали источником для написания заключительной части Книги в форме приведения заимствованных из них таблиц масштабов («мер вёрстам»). Сам по себе текст, никогда не сопровождавшийся картографическим материалом, в масштабах не нуждался, в его составе они выглядят инородно и немотивированно. Мера вёрстам «старого чертежа» вскользь упоминается в основном тексте Книги лишь однажды³⁵. Не случайно служебные списки Книги («сокращённой» редакции Сербиной), как правило, не имели ни пролога, ни меры вёрстам. Проникновение расширенного состава Книги (с прологом и полной заключительной частью) в число официальных разрядных списков (это почти все списки «первоначальной», или «основной» редакции Сербиной) только в 1670–1680-х гг. также можно связать с деятельностью Башмакова.

Также обращает на себя внимание, что автор пролога, явно стремившийся прояснить историю создания этого документа, так и не нашёл повода упомянуть о конкретном исполнителе новой версии Большого чертежа, а также «чертёжной росписи» к нему – А. Мезенцове. Скорее всего, Башмаков не знал о нём как о создателе Книги (вообще конкретные обстоятельства создания «нового чертежа», «чертежа полю», равно как и самой Книги во вводной и заключительной её частях выглядят неопределённо; вся присутствующая там конкретная информация либо заимствована из текста самой Книги, либо взята из описания хранившихся в Разрядном приказе чертежей и других доступных Башмакову документов). В описи 1668 г. также никак не оговорено стилевое единство двух упомянутых чертежей, что должно было привлечь на себя внимание при допущении, что их создал в одно время один автор. Косвенно это может свидетельствовать либо о том, что второй чертёж («Московского государства городов и степи до Азовского моря») не тождествен новой версии «старого чертежа» 1627 г., либо о том, что авторству Мезенцова не принадлежал «чертёж полю»³⁶, либо о том и другом одновременно. Таким образом, новый взгляд на состав Книги не позволяет считать обоснованными соображения об отсутствии в её тексте сведений об авторстве и датировке «старого чертежа» как аргументе в пользу его особой древности.

Теоретическая возможность отнесения времени создания «старого чертежа» к 1619 г. мало что говорит о нём самом, его внешнем виде и картографическом первоисточнике. Вопрос о внешних характеристиках «старого чертежа» (он же «Большой чертёж», если рассматривать «старый» и «новый» варианты этой карты в качестве тождественных по форме) до сих пор не решён даже в первом приближении. Диапазон предлагавшихся трактовок широк и простирается от радикально скептической позиции и отрицания картографической природы этого документа³⁷ до идеи о Большом чертеже как об атласе или «чертёжной

³⁵ Там же. С. 68.

³⁶ Атрибуция Мезенцову «чертежа полю» хотя и весьма вероятна, но не бесспорна. В основном содержании Книги этот чертёж в числе источников не упоминается. Нет убедительных отсылок к нему и в челобитных Мезенцова.

³⁷ *Пестерев В.В.* К вопросу о степени... С. 73–74.

книге» — комплексе последовательно связанных маршрутных карт³⁸. В обоих случаях волю фантазии дало отсутствие самого чертежа — как в его ветхой ипо-стаси, так и в новом варианте 1627 г. Представляется, однако, что ситуация не столь безнадежна, и определённые основания для самых общих соображений относительно внешней формы Большого чертежа всё же имеются.

Представления исследователей о Большом чертеже изначально основывались на предполагаемом его виде как одной большой карты. К этому подталкивали и сложившиеся представления о генеральных картах того периода, и фиксация описью 1668 г. двух чертежей, ассоциирующихся большинством исследователей с упоминаемыми в Книге «чертежом полю» и «чертежом всему Московскому государству». Попытки воссоздать их по данным Книги успехом не увенчались, но сама по себе возможность этого сомнению не подвергалась.

Принципиально новый взгляд на форму «старого чертежа» предложил Б.П. Полевой. Он предположил, что Большой чертёж представлял собой не одну большую настенную карту, а небольшого размера общий сводный план, дополненный серией подробных путевых чертежей-«прилогов», которые оформлены в виде «чертёжной книги». Книга в этом случае отражала не столько малоинформативный сводный чертёж, сколько «содержание дополнительной чертёжной книги, составленной в основном из подробных “чертежей с урочищи”». Главным доводом в пользу данной версии стала аналогия с «Хорографической чертёжной книгой» С.У. Ремезова рубежа XVII–XVIII вв., композиция которой — «общий сводный чертёж + серия подробных путевых чертежей», — по мнению Полевого, характерна не только для сибирской картографии второй половины XVII в., но и в целом для московской картографической традиции предшествующего периода³⁹. Были представлены и аргументы, связанные с самой Книгой и историей её появления. Так, «чертеж полским городом и полю» описи 1668 г. трактуется Полевым как сводный чертёж к атласу из двух чертёжных книг. Таблицы масштабов («меры верстам») Книги, приводившие исследователей к выводам о «гигантских» размерах чертежей, по мнению Полевого, никакого отношения к самим сводным чертежам не имели, а всего лишь характеризовали масштаб «чертежей с урочищами» чертёжных книг. Курьёзную ошибку с «Котлиным озером» и текущей в обратном направлении Невой в тексте Книги Полевой склонен объяснять особенностями работы с частными чертежами, не отражающими общих характеристик описываемой территории. Фраза об изготовлении «чертёжной книги» из челобитной Мезенцова, которую в историографии трактовали как указание на создание самой Книги, в версии Полевого стала свидетельством о работе над картографическим атласом⁴⁰.

Подкупающая нетривиальностью и внешней убедительностью, данная интерпретация проблемы Большого чертежа едва ли может быть признана обоснованной. Сам по себе принцип создания многолистных картографических произведений, где к общему сводному прилагалась бы книга частных чертежей, не доказан не только для чертежей Сибири П.И. Годунова и Н.Г. Спафария, но и для самой «Хорографической книги» С.У. Ремезова. Теоретически возможная трактовка Большого чертежа в качестве картографического комплекта, состоящего из сводного чертежа и чертёжной книги (атласа), не нашла в построениях

³⁸ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 217–220.

³⁹ Там же. С. 213–217.

⁴⁰ Там же. С. 219–220.

Полевого аргументированной поддержки⁴¹. Самые сильные его доводы либо имеют альтернативные объяснения, либо приводят к ещё большей путанице. Попытка выдать за собрание чертежей «чертежную книгу» из челобитной Мезенцова от октября 1627 г. (якобы «так в старину называли только атласы»)⁴² вступает в непреодолимые противоречия с содержанием предыдущей его челобитной от сентября того же года, где он отчитывается об изготовлении им «болшого чертежа» и о повелении разрядных дьяков «зделати роспись» чертежам, созданным «против старого чертежу морю, и рекам, и городам» с последующей задачей эти чертежи по росписи «справить»⁴³. По контексту челобитной все основные картографические работы к середине сентября были выполнены (в том числе «болшой чертёж» и некие работы «против старого чертежу»). Дальнейшая задача Мезенцова состояла лишь в создании «росписи» и исправлении по ней созданных им карт. Никакой другой предстоящей масштабной картографической работы эти документы не отражают. Соответственно, и в упомянутой в первой челобитной «росписи всему чертежу» естественнее всего видеть «чертёжную книгу» второй челобитной (скорее всего, какой-то ранний вариант основного содержания Книги).

Не кажется убедительной и трактовка Б.П. Полевым «Чертежа полским городом и полю» 1626/27 г. (по Разрядной описи 1668 г.) как сводного чертежа к предполагаемым чертёжным книгам, содержание которых и отражено в Книге⁴⁴. Ни по заглавию (намекающему на отношение исключительно к территории южной России), ни по датировке («болшой чертёж» из челобитной Мезенцова был закончен только в следующем, 1627/28 г.), ни по размеру (в описи он охарактеризован как «болшой»), эта карта не подходит на роль небольшого сводного чертежа. Ошибка автора Книги в определении части Финского залива как озера и направления течения Невы легко объясняется наличием в этом месте чертёжной рамки или картуша. При работе с большим количеством маршрутных чертежей подобных ошибок могло быть больше.

Не ставя целью всесторонней и полноценной критики концепции Полевого, отмечу, что наблюдения над текстом Книги не позволяют видеть в нём работу с атласом. Росписи отдельных дорог и рек мало сопоставимы друг с другом как по объёму содержащейся в них информации, так и по протяжённости охватываемой территории. Вместе с тем при наличии стандартной сетки масштабов для каждого из атласов (если учитывать идею Полевого о наличии двух разномасштабных чертёжных книг — «полю» и «всему Московскому государству») отдельные чертежи должны были иметь сопоставимые по охватываемой территории объёмы. Если же рассматривать структуру этих гипотетических атласов как более дробную (когда каждая дорога или река разбивалась на многие крупномасштабные «чертежи с урочищи»), текст росписей их неизбежно оставил бы в себе следы постоянных переходов описания с одного листа на другой. Однако признаков такого рода текст Книги не обнаруживает. То, что она описывает не только Московское государство, но и прилегающие соседние государства, является признаком передачи содержания единой карты, где прямоугольный план волей-неволей задавал пределы описываемой территории.

⁴¹ Там же. С. 214–217.

⁴² Там же. С. 220.

⁴³ РГАДА, ф. 210, оп. 14, стб. 80, л. 5.

⁴⁴ Полевой Б.П. Указ. соч. С. 223–224.

По предположению Полевого, таблицы масштабов Книги отражали «меру верстам» не сводных чертежей, а самих атласов. При этом диапазон приводимых в росписи «чертежа Московского государства» расстояний составляет от 5 до 1350 вёрст. Если для примера опираться на «меру верстам» из списка Книги № 1330, то расстояние в 10 вёрст на чертеже должно было занимать длину приблизительно в 7,5 мм, а расстояние в 1350 вёрст — более метра. Гораздо чаще встречающиеся в Книге расстояния в 600—700 вёрст также выходят за пределы обычных форматов использовавшейся тогда бумаги. Кроме того, далеко не всегда указание этих расстояний в тексте Книги кажется мотивированным, так что дополнительная работа по складыванию расстояний, вымеренных на нескольких листах атласа, представляется сомнительным занятием. Создание атласа, пусть даже в виде копирования — очень сложная и длительная работа (С.У. Ремезов потратил на составление своих атласов многие годы). Никакой информации о ней документы Разряда не сохранили. Если «старый чертёж» Книги также представлял собой атлас, то почему столь заметный документ не упомянули при учёте спасённых при пожаре бумаг Разряда? С традиционно представляемым чертежом это могло случиться с большей долей вероятности. Таким образом, ввиду недостаточной аргументированности альтернативных версий о форме Большого чертежа, кажется более обоснованной традиционная историографическая позиция, рассматривающая его как одну большую карту.

Размеры этой карты едва ли могут быть точно реконструированы. Единственная серьёзная зацепка — «меры верстам» Книги — не имеют убедительной связи с интересующими нас чертежами и сильно отличаются друг от друга в разных списках. Даже если основываться на минимально различимом расстоянии (для «старого чертежа» это примерно 5 вёрст) и брать его за точку отсчёта при определении масштаба, более или менее линейно точным будет лишь отображение пространств в рамках отдельно взятой дороги, береговой линии или реки. Не связанные последовательными цепочками расстояний территории междуречий и другие земли, по каким-то причинам выпавшие из рассмотрения «старого чертежа», в площадном отношении неизбежно сильно искажались, что не позволяет вычислить настоящие размеры Большого чертежа.

Особый интерес представляет вопрос об ориентации «старого чертежа». Между тем ответ на него способен пролить свет не только на внешний вид Большого чертежа, но и на источники его происхождения. Одним из возможных путей определения его ориентации может стать анализ его повреждений. Текст Книги фиксирует очень мало дефектных мест, а те, что имелись, располагались довольно специфично. Самым повреждённым оказался юго-западный угол («А Дуны реки, и городов Болгарских, и около Черного моря берегом описать было не мочно; в старом чертеже испорчено и ветхо»), а также близкий к нему западный край карты («А ниже Тубарчи 20 верст в старом чертеже подпись свалилась»). Похожий дефект имелся и на противоположном юго-восточном углу чертежа («А на горе Карабасу город, а подпись тому городу в старом чертеже изпортился, не зная»)⁴⁵. При этом центральная часть «старого чертежа» таких повреждений не демонстрирует. Это может указывать на то, что хранили его не в сложенном виде (иначе повреждения материала на сгибах неизбежно привели бы к соответствующим дефектам чертёжных подписей), а прибитым на скалу (как и «чертеж полю» 1626/27 г.). И в этом случае повреждения юго-западного

⁴⁵ Книга Большому чертежу. С. 95, 113.

и юго-восточного углов чертежа могут быть как следствием естественного износа самого незащищённого нижнего края карты, ориентированной на север, так и результатом неаккуратного снятия со скала карты, ориентированной на юг.

В самом тексте Книги явных привязок к границам карты нет. Обильно используя ориентационную лексику — «ниже», «выше», «под», «над», «сверху», «снизу», «слева», «справа», «на полдень», «на полночь», «к западу», «с востока» — её автору удалось ни разу не выйти за рамки избранной им точки отсчёта — течения реки или выбранного изначально направления в перечислении географических объектов. Тем не менее одну очень важную оговорку автор всё же допустил при описании течения Оби: «Река Обь Великая... течет от Бухарской земли *с правые стороны* (курсив мой. — В.П.)». Любопытно, что это же место в списке № 1330 Книги имеет чтение «с восточной стороны»⁴⁶. Действительно, истоки Оби и Катуня именно с северо-восточной стороны прилегают к среднеазиатскому региону, но говорить об этом как «с правой стороны» можно только в случае, если карта ориентирована на север. Надёжность этого вывода снижается единичностью аргумента, наличием разночтений в списках, а также стилистической спецификой окружающего этот фрагмент текста. Однако по совокупности доводов предположение о северной ориентации Большого чертежа кажется наиболее вероятным.

Вышеизложенное позволяет найти путь к решению вопроса об источниках Большого чертежа. Если считать А. Мезенцова (пусть и в соавторстве с Ф. Наквасиным) создателем не только Книги, но и «старого чертежа», лёгшего в её основу, придётся допустить маловероятную на первый взгляд картину выполнения беспрецедентной по важности и масштабам картографической работы небольшим количеством неопытных в картографической деятельности людей⁴⁷. Однако косвенным подтверждением самой возможности этого является факт пренебрежения как к самой деятельности по составлению чертежей, так и к ведущим чертёжникам работы подычим. У составителя пролога к Книге явно вызвали трудности определение авторства чертежей и самой Книги. Кажущиеся столь ценными для Разрядного приказа кадры оказались вполне заменимыми — Наквасина перевели в Пушкарский приказ⁴⁸, а Мезенцов в начале 1620-х гг. временно покинул Москву и к концу десятилетия уехал в Курск⁴⁹. Всё это может поставить под вопрос версию об атрибуции им «старого чертежа». Однако данное сомнение будет справедливо лишь в том случае, если считать «старый чертёж» оригинальным русским произведением общегосударственного значения, а не перерисовкой с узковедомственными целями уже существующей, и притом иностранной карты.

Вопреки распространённому в историографии мнению, общее состояние отечественной картографии к началу XVII в. не позволяет считать её способной к самостоятельному созданию генеральной карты всего Московского государства. Для этого не было ни подходящего фундамента, ни качественных средств, ни квалифицированных исполнителей. Если рассматривать сохранившиеся опи-

⁴⁶ Там же. С. 168.

⁴⁷ Опись 1668 г. упоминает только чертёж А. Мезенцова, созданный им около 1626 г. (*Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Указ. соч. С. 15). Имени Ф. Наквасина в ней нет. В числе сохранившихся и подписанных русских чертежей XVII столетия эти имена не встречаются (Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» (URL: <http://rgada.info/geos2/>)).

⁴⁸ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 352.

⁴⁹ *Историки Курского края...* С. 185.

си царского архива и архива Посольского приказа как отражение состояния русской картографии последней четверти XVI — начала XVII в. (ввиду отсутствия самих русских карт и крайне редкого упоминания о «чертежах» в письменных источниках), придётся сделать неутешительный вывод, что большинство (если не все) упомянутые в них «чертежи» к собственно русской картографии отношения не имели, будучи почти исключительно чертежами пограничных территорий. Уже одно это делает предположение о русском их происхождении проблематичным. Несмотря на бесспорное наличие среди них иностранных карт, ни один из чертежей не назван «немецким», скорее всего потому, что среди них отсутствовали русские. Крайне низкий уровень исполнения большинства сохранившихся от XVII в. русских чертежей, а также отсутствие унифицированных средств картографической репрезентации пространства, не позволяли надеяться на изготовление высококачественного картографического продукта. Вплоть до начала XVIII в. созданием карт занимались совершенно не подготовленные к этому занятию лица — «писцы и подьячие, стольники и князья, воеводы и рассыльщики, отставные дворяне и полковники, пушкари и стрельцы, казаки и губные старосты, монастырские служки и священнослужители»⁵⁰, а наиболее квалифицированными исполнителями чертёжных работ считались «иконники» (иконописцы и знаменщики). Информации о планомерной подготовке «чертёжников» нет.

«Старый чертёж» обладает почти бесспорными признаками картографического произведения, основанного на какой-то иностранной карте. Во-первых, на это намекает его северная ориентация (хотя и не имеющая полноценного подтверждения). Известная по сохранившимся чертежам русская картографическая традиция XVII в. не требует чёткой привязки карт к сторонам света. Ориентация русских чертежей этого периода самая разнообразная, с просматривающейся, однако, предрасположенностью к южному или юго-восточному направлениям. В этой связи ориентация Большого чертежа на север, совпадающая с подавляющим числом картографических произведений западного происхождения, не может быть признана случайной. Реконструируемые из содержания Книги рамки «старого чертежа» точно совпадают с направлением параллелей и меридианов, что также отсылает нас к европейской картографической традиции. Наличие «меры верстам» в «старом чертеже», о чём упоминается в основном тексте Книги, совершенно не характерно для русских чертежей XVII в., однако является почти обязательным атрибутом большинства европейских карт. Степень картографической точности «старого чертежа», позволявшая производить непосредственные замеры расстояний между объектами прямо по карте, совершенно не соответствует всему, что представляют в этом плане сохранившиеся русские чертежи.

Вопрос о том, какая именно европейская карта легла в основу Большого чертежа, пока остаётся открытым. Учитывая неполную сохранность европейского картографического наследия того периода, а также большую вероятность существенного перекраивания границ карты с полным обновлением содержащейся в ней текстовой информации, данный вопрос не может предполагать быстрого решения.

⁵⁰ Кусов В.С. Московское государство... С. 65–66.